

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 42–54.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 4. P. 42–54.

Архивная публикация / Archived Publication

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-42-54

К. М. КАНТОР

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ЗАПАДА

(Отрывок из II тома трактата
«Двойная спираль истории»)

Владимир Карлович Кантор

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Публикуя этот текст, хочу выразить благодарность Елене Николаевне Самойловой, помогавшей отцу в работе над первым и вторым томами трактата «Двойная спираль истории».

Ссылка для цитирования: Кантор К. М. Социокультурные взаимодействия России и Запада (Отрывок из II тома трактата «Двойная спираль истории») // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 42–54. doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-42-54.

Материал публикуется по рукописи, хранящейся в домашнем архиве В. К. Кантора, в качестве приложения к статье Кантор В. К. «И дольше века длится день...» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 11–41.

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-11-41.

© Кантор В. К., публикация, 2022

From the Editor

SOCIOCULTURAL INTERACTIONS BETWEEN RUSSIA AND THE WEST
(EXCERPT FROM THE 2ND VOLUME OF THE TREATISE
“THE DOUBLE HELIX OF HISTORY”)

Vladimir K. Kantor

National Research University
“Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). By publishing this text, I want to express my gratitude to Elena Nikolaevna SamoiloVA, who helped my father in the work on the first and second volumes of the treatise “The Double Helix of History”.

For citation: Kantor, K. M. (2022) “Sociocultural Interactions between Russia and the West (Excerpt from the 2nd volume of the Treatise ‘The Double Helix of History’)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(4), pp. 42–54. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-42-54.

Пре­краще­ние хо­лод­ной вой­ны при­ве­ло к ра­ди­каль­но­му из­ме­не­нию от­но­ше­ний ме­жду Рос­си­ей и За­па­дом: за­кон­чи­лась эра иде­й­но­го про­ти­во­бор­ства, по­ли­ти­че­ской кон­фрон­та­ции, вза­им­ной по­доз­ри­тель­но­сти, не­доб­ро­же­ла­тель­ства, пря­мой вра­жды, опас­но­сти пе­ре­рас­та­ния хо­лод­ной вой­ны в го­ря­чую. В по­ли­ти­ке и э­ко­но­ми­ке на­ме­тил­ся пе­ре­ход к вза­имопони­ма­нию, со­гласи­ю, со­труд­ни­че­ству.

Краткая предыстория

Если иметь в виду, что и до Октябрьской революции отношения России со странами Европы были противоречивыми, что дело не раз доходило до прямых военных столкновений, до захватнических войн Запада против России и освободительных войн России против интервентов и вторжений России в пределы Запада, если иметь в виду традиционную антирусскую политику западных держав и столь же традиционную антизападную политику российского самодержавия, перемежавшуюся временными с неустойчивыми соглашения-

ми и союзами, то перемены в отношениях России к Западу, провозглашенные перестройкой и поддержанные Западом, являются беспрецедентными за всю тысячелетнюю историю существования Российского государства.

В советский период противоречия между Россией и Западом еще более обострились, став противоречиями двух несовместимых социальных систем, двух несовместимых идеологий.

Последним и наиболее опасным проявлением противоборства России и Запада была холодная война, продолжавшаяся почти полвека. После краткой интермедии детанта ее напряжение росло крещендо. Мир находился на грани самоуничтожения. Ни одна из враждующих сторон не хотела уступать. На Западе говорили: «Лучше быть мертвым, чем красным»; советская партократия готова была предоставить западному противнику этот выбор, не заботясь о судьбе собственного народа.

К восьмидесятым годам бремя холодной войны стало невыносимым, особенно для Советского Союза, вступившего в полосу глубокого экономического, социального и идеологического кризиса. Холодную войну нельзя было продолжать без риска сорваться в пропасть термоядерной войны, которая стала реальной опасностью. Даже в условиях зыбкого мира, основанного на временных соглашениях и договорах между враждующими сторонами, холодная война оставалась детонатором «горячего» глобального столкновения, с трудно представимыми последствиями для судеб человеческой цивилизации.

Начатая в 1985 году советская перестройка, провозгласившая идею «нового мышления», отказа от политики и идеологии противоборства двух социальных систем, привела к изменениям во взаимоотношениях России и Запада вообще, в содержании и характере их социокультурного взаимодействия — в частности.

Как известно, культурные взаимосвязи Советской России и Запада не прекращались даже во времена холодной войны. Они были необходимы Советскому Союзу не в последнюю очередь для поддержания того самого военного могущества, которое использовалось для устрашения Запада. Контролируемые и регулируемые партократией культурные связи Советского Союза с Западом были достаточно интенсивными и целенаправленными, хотя, следует подчеркнуть, по преимуществу имитационными.

Отказ от самоизоляции не мог сразу изменить характера социокультурных связей России с Западом. Они пока остались теми же самыми и даже их непривлекательные черты — поверхностность, имитационность, иждивенчество — лишь усугубились. Поэтому было бы опрометчиво считать, что копившиеся долгие годы социокультурные противоречия между Россией и Западом

могут быть легко и быстро устранены. Крах советской системы ценностей, питавшей идеологию и политику холодной войны, безусловно, произошел в сфере государственной политики и официальной идеологии, но еще не затронул глубины народного сознания, не привел автоматически к коренному изменению культурного генотипа российского общества, в котором содержатся предпосылки и поверженного мировоззрения, и поколебленного советского мироустройства.

Более того, окончание холодной войны между Советским Союзом и Западом сопровождалось расколом общества, вспышкой гражданской войны в самой России, холодной и горячей (в Чечне, в Афганистане) и в ряде республик бывшего СССР. Характерно, что холодная гражданская война в России шла не только между сторонниками реформ и их противниками, но также между сторонниками сближения России с Западом и националистами, убежденными в неискоренимости враждебного отношения Запада к России и, следовательно, необходимости продолжать традиционную российскую и советскую политику «сдерживания» Запада. Политика и ее социокультурные основы не изменяются синхронно, хотя (при видимости абсолютного самоотречения) изменение политики России по отношению к Западу скорее всего продиктовано потребностью самосохранения доминирующего в России культурно-исторического типа.

Если в самом общем виде представить себе перспективы российско-западных социокультурных взаимоотношений, то они будут выглядеть следующим образом: новая доверительная, открытая политика между Россией и Западом могла бы благоприятствовать их расширению, демократизации, усиленному воздействию на генетические основы двух культурно-исторических типов, но по существу своему они на длительный срок останутся такими же, какими были в годы холодной войны, до нее и даже до Октября 1917 года. Социокультурный генотип устойчив, консервативен, и чем большее давление он испытывает со стороны другого культурного генотипа, тем большее сопротивление он оказывает. Западная по своему происхождению и изначальному культурному опыту, оторванная от Запада на два с половиной столетия монголотатарским игом, иссушившим ее душу, отравившим ее надолго ядом рабства и паразитизма, Россия, как только она освободилась от ненавистного ига (позволившего ей тем не менее сложиться в мощное централизованное государство), снова потянулась к Европе «наверстывать упущенное». Сегодня надо учитывать, что и Европа стала иной. Европа, и прежде отличавшаяся от России, еще более выявила личностный принцип антично-христианской цивилизации, который она унаследовала. Россия же, сохранив приверженность православию, а через него и античному наследию, вобрала в лоно своей куль-

туры и антиличностный государствоцентрический принцип Востока, причем не в его высоком, цивилизованном (как в Китае), а в варварско-номадическом варианте. В социокультурном отношении Россия как была, так и осталась антиномичной. И тем не менее ее западное происхождение, ее европейские гены доминировали. Россия строила и воспроизводила себя, заимствуя у Запада широкий круг культурных ценностей, неизменно превращая их в свои, в общем контексте российской культуры часто приобретающих не просто иной, но и противоположный смысл. Крупнейшие поворотные события, определявшие содержание и форму всех основных этапов истории России, происходили не только под воздействием внутренних стимулов, разрешения собственных, внутрисоветских противоречий. Благодаря постоянному социокультурному взаимодействию России с Западом шел процесс разрешения противоречий между ними, неизбежно возникавшими в этом процессе.

Если принять во внимание только петербургский период российской истории (самое возникновение которого было следствием европеизирующих реформ Петра I), то придется признать, что коренные перемены в политике, экономике, военном деле, борьба с самодержавием и крепостничеством, возникновение либерально-демократического и социалистических движений, появление противоборствующих идейных течений западников и славянофилов, расцвет творчества гениев национальной литературы и искусства, короче, все значительное, что произошло за эти два столетия, было ответом России на вызов Запада. Это был такой впечатляющий ответ, который, в свою очередь, стал вызовом Западу со стороны России.

Теперь уже признано, что и Октябрьская революция, изменившая течение мировых событий, была не только и, может быть, даже не столько разрешением классовых противоречий между крестьянами и помещиками, рабочими и капиталистами, сколько реакцией эгалитарно настроенных народных «низов» на трехсотлетнюю европеизацию России. Можно также сказать, что перестройка и вызванные ею коренные преобразования также были ответом России на новый вызов Запада, подготовленный научно-технической революцией, эффективностью смешанной рыночно-плановой экономики, внедрением заимствованных в Советском Союзе принципов социальной защиты трудящихся, лучше обеспеченных благодаря более высокому уровню экономического развития Запада.

Говорят, что Октябрьский ответ на вызов Запада был не адекватен в плане политическом, социально-экономическом и даже идеологическом. Вполне возможно. Но он, может быть, был более чем адекватен с социокультурной точки зрения. Во всяком случае, такое допущение и толкование возможно, а

постановка вопроса достойна специального рассмотрения. Однако при любом ответе на этот вопрос бесспорно то, что историю России нельзя понять без истории Запада, без учета истории Запада, без учета истории их социокультурных взаимодействий.

История России до известной степени есть отражение истории Запада, но отражение отнюдь не зеркальное. Оно скорее сюрреалистическое, чем реалистическое, даже если оно отливается в образы идеологического, этического и художественного реализма. Россия тянулась к Западу и вместе с тем чуждалась его, дорожа своей самобытностью. В высших сферах культуры, таких как литература, музыка, отчасти естествознание, Россия не только усвоила уроки Запада, но и сама стала наставницей западных мастеров. Однако в культуре, взятой в целом, Россия оставалась весьма необычной ученицей Запада. Она перенимала у Запада готовые результаты, но не способы их порождения. В силу этого экономический и научно-технический «разрыв» между Россией и Западом, временами сокращаясь, неизменно снова восстанавливался. Инерция использования заимствованных результатов приводила часто к тому, что Россия противопоставляла Западу как нечто идеальное то, что было на самом деле вчерашним днем Запада, порицая при этом Запад за измену себе, за «деградацию», с тем, однако, чтобы по прошествии малого времени снова, как ни в чем ни бывало, заимствовать очередные новации Запада. Этот тип «ученичества» породил два одинаково позорных и до сих пор сохранившихся социально-психологических явления русской жизни: низкопоклонство перед Западом, граничащее с национальным самоуничижением, и, с другой стороны, западоненавистничество, ксенофобию и самовозвеличение.

Можно ли полагать после всего сказанного, что политический и экономический поворот России к Западу немедленно изменит тип ее социокультурных отношений к нему? Скорее всего, что нет. Скорее всего, негативные — имитационные, иждивенческие, чуждебесные и ксенофобские — черты будут преобладать по крайней мере в ближайшие годы, что, разумеется, не исключает взаимообогащающих творческих контактов в научной, технической, экономической и художественной сферах.

Короче говоря, перспективы социокультурного взаимодействия России и Запада после холодной войны были не безоблачны. Но именно осознание того, что они не тождественны переменам политическим и экономическим, что именно от изменений в культуре в конечном счете будет зависеть успех коренных политических и экономических преобразование в России (от чего сегодня напрямую зависит также судьба Запада) побудило меня обсудить проблему взаимодействий двух социокультур — русской и западной.

Ближайшие цели этого обсуждения могут быть сформулированы следующим образом:

1) Выявить взгляды представителей различных социальных слоев, общественных и политических движений России и Запада на перспективы социокультурных взаимодействий наших стран;

2) Содействовать достоверному ознакомлению с корневыми особенностями культурно-исторического типа, доминирующего в России, и культурно-исторического типа, доминирующего на Западе, преодолевая предрассудки, заблуждения, ошибки, поверхностные суждения во взаимных оценках;

3) Помочь расширению сферы творческого российско-западного культурного сближения, преодолевая пагубное наследие бездумных имитаций, робкого ученичества и навязчивого наставничества;

4) Обратит внимание на возросшую необходимость более полного выявления и упрочения универсалистских общечеловеческих ценностей в своеобразных культурно-исторических типах России и Запада;

5) Выявить уязвимые с точки зрения материальной обеспеченности, правовой защиты, социальной престижности, локусы духовной культуры России (науки, искусства, образования, просвещения, культурного наследия) и информировать о них общественность, деловые круги России и Запада.

Моя цель — избежать общих для всех стран и уже потому малосодержательных суждений. Не было, пожалуй, ни одной страны Запада, с которой Россия не вступала бы в контакты, иногда с одной в ущерб другой, или «сегодня» с одной, а «завтра» с другой; каждая по-своему что-то значила для России, для становления доминирующего в ней культурно-исторического типа и иных, ему сопутствующих, для «обрастания» их социальной тканью.

Существует неутоленная потребность осветить перспективы социокультурных взаимодействий России как с теми странами Запада, которые еще недавно входили в состав Советского Союза и «социалистического лагеря» (так называемой «малой Европы»), так и с Германией, Францией, Англией, Италией, Испанией и другими странами так называемой «большой Европы», критически переосмысливая прошлое наших отношений.

Исключительное значение я придаю рассмотрению перспектив социокультурных взаимодействий России с Соединенными Штатами Америки, поскольку противоборство двух этих сверхдержав было осью холодной войны, а превращение враждебной «биполярности» мира в «однополярность», а теперь, возможно, в многополярность, в немалой степени будет зависеть от наших государств и народов.

Право на проектирование

Коль скоро мы пытаемся определить «локус неконтактности» отечественной философии с наукой и техникой, то искать его следует, по моему глубокому убеждению, в «проблемном поле проекта». Я имею в виду «проект» не в его технической, архитектурной или дизайнерской спецификации, а в его мировоззренческой категориальной функции, которая, кстати сказать, может быть промоделирована и в самом приземленном дизайнерском проекте.

В «проблемном поле проекта», в «поле» духовных энергий высочайшего напряжения располагаются, взаимопритягиваются и взаимоотталкиваются, сопрягаются и взаимопреращаются все другие категории философии: «бытие», «сущность» и «существование»; «начало», «движение», «становление» и «развитие»; «свобода» и «необходимость», «возможность» и «действительность» и т. д.

Фактически присутствуя под своим именем или под «псевдонимами» в крупнейших мировоззренческих построениях от древности до наших дней, категория «проект» профанирована шпенглеровской традицией как нечто сугубо искусственное и утилитарное, не имеющее отношения к органике культуры, а затем использована, чтобы осудить научно-технический прогресс, погружающий якобы век за веком (начиная с XVII века) человечество в наркотическое состояние все более глубокого «забвения бытия».

На самом же деле мы страдаем не столько от засилья науки и техники, сколько от замедленного, раздражительного (то есть беспроектного) и однобокого их развития и от сущностного отрыва от них философии, призванной стоять на страже человеческой свободы, не достижимой без самопроектирования и самоосуществления личности.

Наука XX столетия, становясь все более проективной, не только не отдалилась (как это порой утверждают) от постижения бытия, но, напротив, вплотную подвела к нему. В самом деле: теория элементарных частиц, теория относительности, космологическая теория вакуума, генетика, кибернетика, психологическая теория архетипов, генетическая культурология вышли за пределы непосредственно наблюдаемого; из медиомира, соразмерного человеку, проникли в бесконечность макро- и микромира, обнаружив формы, почти лишённые вещества, то есть такие объективные, ни от человека, ни от человечества не зависящие феномены, которые если и не являются платоновскими идеями, то во всяком случае заставляют вспомнить о них. Это не «бытие» в философском значении слова, но все-таки это то, что впервые, может быть, даёт физическое оправдание метафизического постулирования бытия как не-

эмпирического обоснования эмпирического и, соответственно, его уже не научного, а философского постижения, потребность в котором в силу этого стала еще настоятельней.

Как же иначе? Ведь сколько бы ни активизировалось проектно-личностное начало в науке, оно все же только служебное по отношению к специфическим научным целям получения объективного знания в его теоретическо-понятийном оформлении. Иное дело философия. Правда, без того, чтобы «принять в соображение» способы действия и результаты научного познания, философия не могла бы столь свободно «воспарять» над эмпирией, как то предполагается ее предназначением. В философии, в формах ее предъявления легко обнаруживается теоретико-познавательный, понятийный «строительный материал», на основании чего философию у нас определяют как теоретическое мировоззрение в отличие от мифологии и религии, в которых (глядя на них позитивистским глазом) не находят даже следов теоретичности. Да, в философии, несомненно, содержится теоретическое содержание, но в ней оно служебно по отношению к конститутивной проектной компоненте. Вряд ли можно признать философской способность «увидеть воочию» связь понятий, логическое видение идей, если из дара философствования исключается воображение. Ссылаться при этом на Платона опрометчиво. Не говоря уже о том, что идеи понимались основателем Академии как проекты (парадигмы), или (как переводит этот термин А. Ф. Лосев) как «порождающие модели», не только утопии «Государство», «Законы» — грандиозные проектные построения, но и самый платоновский способ философствования насквозь проектный, художественно-мифотворческий.

Философское понятие отлично от научного. Оно не мера теоретического знания, но мера активности субстанции и субстанциальности философствующего разума, то есть оно идея, которой все приписывается статус одной лишь субъективности. «Идея, — как говорил Н. Ф. Федоров, автор дерзновеннейшего проекта общечеловеческой победы над смертью, — вообще не субъективна, но и не объективна, она проективна. Высшее благо, как и свобода, составляет проект» [Федоров, 1995, с. 296].

Основоположник русского космизма не разделял индивидуалистической, как ему представлялось, позиции Гёте, но в этом решающем пункте философского мировоззрения он был с ним. Вспомним фаустовскую разгадку евангельского стиха «В Начале было Слово». Отклоняя его грамматическое понимание, Фауст последовательно заменяет «Слово» на «Мысль», потом на «Силу», пока, наконец, его не озаряет вмещающее в себя и мысль, и силу «Дело»: «В деянии Начало Бытия».

И человек лишь тогда соприкасается бытию, когда он деятелен, когда творит, когда выходит за пределы данного, наличного, в непредсказуемое, преступая чисто логические последовательности и порядки, одаряя мир небывалым. Бытие «бытийствует» через свободное самоосуществление личности, и лишь для того, чтобы отличить онтологический проект от проекта, который формируется в сознании человека, я предлагаю использовать термин «парадигма» для обозначения проективности бытия и впредь говорить о парадигмальности бытия и парадигмальности общественного бытия.

Все формы сознания человека в той или иной степени проективны, отличаясь друг от друга тем, какую парадигму они воспроизводят, направлены они на освоение самой парадигмы или вещественных и энергетических результатов ее действий и, наконец, тем, являются эти проекты продуктом общественного или личного сознания.

Не вдаваясь в рассмотрение всех возможных видов проектов, отмечу лишь, что наука, строго говоря, познает не парадигмы, а результаты их действий, развертки их «парадигмальных производных» (например, элементарные частицы, архетипы), тогда как философия является личностно-проектным постижением парадигмальности бытия (или, иными словами, бытия как парадигмы).

Этим различием между наукой и философией задается и тип взаимодействия между ними.

Помимо специфических мысленных и технических экспериментов (проектов-средств) наука нуждается также в проектах-целях, в философской проектности, которая не только в мотивациях, но и в итогах сохраняет личностный характер, личностные связи проекта и парадигмы во всех своих разделах — не только в этике, эстетике и антропологии, что как будто само собой разумеется, — но также в гносеологии, космологии и онтологии. Показательно, что именно наиболее крупные естествоиспытатели XX столетия (фактически сами еще и философы) настаивают на личностном характере философии, а следовательно, предполагают неизбежное многообразие философских проектов. Так, В. И. Вернадский, необыкновенно чуткий к философским запросам науки, утверждал: «Философия всегда основана на разуме и теснейшим образом связана с личностью. Типы личности всегда отвечают разным типам философии. Личность неотделима от философского размышления, а разум не может дать для нее мерку, вполне охватить всю личность. Философия никогда не решает загадки мира. Она их ищет» [Вернадский, 2004, с. 325]. Этим-то и ценна философия для науки, а также для техники, и конечно для искусства, в своих вершинных проявлениях (Данте, Рабле, Шекспир, Сервантес, Микеланджело, Леонардо, Питер Брейгель, Дюрер, Рембрандт, Гёте, Томас

Манн, Достоевский, Лев Толстой, Маяковский, Пикассо), почти совпадающих с философией.

Там, где существует запрет на личностно-проектное постижение бытия, там философия умирает, даже если эта философия имеет в своем составе «учение» о человеке, его свободе и всестороннем развитии. Мировоззрение по сути своей анонимное, хотя и прикрывающееся именами гениев, мировоззрение безличностное, не дающее индивидуального автора, говорящего от своего собственного лица, — это что угодно — религия, атеистическая идеология, — но только не философия.

Деперсонализация философии есть не что иное, как дефилософизация мировоззрения. Но именно это и происходило в нашей стране в течение последнего полустолетия благодаря усердию наших фанатичных нивеляторов, которые, подобно Угрюм-Бурчееву (тоже проектировщику, проектировщику-тоталитаристу), «начертавши прямую линию, <...> замыслили втиснуть в нее весь видимый и невидимый мир» [Салтыков-Щедрин, 1969, с. 403].

Впрочем, не будь этого трагического опыта, мы, может быть, и до сих пор не осознали, что вопрос «быть или не быть личности» равнозначен вопросу «быть или не быть бытию». Чтобы не казалось это уподобление «чрезмерным», уточню, что я имею в виду.

Теперь ради спасения и возрождения нашего признана плодотворность существования различных направлений в науке, технике, искусстве, как и многообразии форм производственных и внепроизводственных отношений. Но будет ли духовно гарантирован этот плюрализм, если он не распространится также на сферу мировоззрения, если, иными словами, у нас не будут созданы условия и предпосылки для воскрешения философии, то есть, следовательно, для сложения у нас различных философских проектов, отмеченных «лица не общим выраженьем»? Полагаю, что нет, не будет.

Информатизация и роботизация чем дальше, тем более требуют перемещения «центра тяжести» человеческой деятельности с исполнительства на творчество как в духовном, так и в материальном производстве, как в сфере нравственных отношений, так и в политике. Более того, речь идет не только о превращении (через творчество, через проектирование) возможностей, таящихся в культуре, в действительность, но о проектировании новых возможностей, новой культуры.

А поскольку каждый проект есть выбор, превращение свободы в необходимость (пусть еще только в мысленном горизонте), существенно наличие множества проектов, множества выборов и множества необходимостей. Демократия должна распространиться не только на деятельность реализации замыслов, но и на деятельность целеполагания.

В соответствии с этим «право на труд» должно быть дополнено «правом на проектирование». «Право на труд» было (а отчасти остается и теперь) правом на отчужденную деятельность как источник средств существования, которое и за пределами производства в значительной мере также оказывалось отчужденным.

«Право на проектирование» есть право на подлинно свободную, неотчужденную, полнокровную, полноценную деятельность, которая, как и труд, может служить источником средств существования, реализуемым прежде всего в самой этой проектной деятельности.

«Право на проектирование» есть не что иное, как право на глубокую философскую осмысленность любого конкретного вида деятельной самореализации индивида.

«Право на проектирование» есть «право на бытие», на сопричастность бытию, на соучастие в творчестве бытия.

Все, что я сказал о проективности философии и бытия — это, разумеется, всего лишь проектная идея, не более того, но и не менее.

Список источников

Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.

Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Изд-во «Худож. лит.», 1969. Т. 8. С. 263–433.

Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. Т. 1. 518 с.

References

Vernadskii, V. I. (2004) *Biosfera i noosfera [Biosphere and Noosphere]*. Moscow: Airis-press.

Saltykov-Shchedrin, M. E. (1969) “Istoriya odnogo goroda” [“The History of One City”], in Saltykov-Shchedrin, M. E. *Sobranie sochinenii: v 20 tomakh. Tom 8 [Collected Works: 20 vols. Vol. 8]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 263–433.

Fedorov, N. F. (1995) *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom 1 [Collected Works: 4 vols. Vol. 1]* Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress».

Информация об авторе: В. К. Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог».

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: V. K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 13.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 05.12.2022.